

ИСТОРИЯ

УДК 94(37).07

DOI 10.52452/19931778_2021_6_9

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ И АНАЛОГИИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ЭЛИЕМ АРИСТИДОМ (OR. XXVI KEIL)

© 2021 г.

К.В. Марков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mkv_2003@mail.ru

Поступила в редакцию 01.11.2021

Рассматриваются пассажи из «Похвалы Риму» Элия Аристида, в которых Римская империя сопоставляется с великими державами прошлого, существовавшими у персов, афинян, спартанцев, македонян. Установлено, что концептуальный характер подобных аналогий заключался, с одной стороны, в репрезентации римской державы как своего рода «конца истории», а с другой стороны, в выражении взвешенного, а местами даже критического отношения к некоторым аспектам имперских реалий. Вместе с тем империя, даже при осознании и подсвечивании определенных издержек, воспринята и представлена аудитории как часть общего для греков и римлян бытия и исторического опыта, как общее для всех пространство, где и Европа, и Азия в конечном итоге оказываются включенными в единый в политическом и культурном отношении греко-римский мир.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, Элий Аристид, римская политическая мысль, династия Антонинов.

Элий Аристид, сын жреца храма Зевса Олимпийского в Адрианатерах, преподававший риторику в Смирне и выступавший с речами во многих греческих городах и в Риме¹, считается одним из наиболее ярких представителей второй софистики. Он известен как большой почитатель Афин, написавший Панафинейскую речь, выдержанную в духе одноименного произведения Исократ. К его наследию относятся речи, посвященные другим греческим городам, например, Кизику, Смирне², а также «Похвала Риму» (Or. XXVI Keil). Эта речь, произнесенная по одной из версий перед императором Антонином Пием [3, с. 8–76; 4, р. 1143, 1195; 5, р. 99–103]³, долгое время рассматривалась как воплощение лояльности грекоязычной провинциальной элиты к Риму, равно как и доказательство признания греками очевидных успехов римлян в сфере управления, обеспечения безопасности и стабильности подвластных им территорий [7, р. 81–82; 8, с. 901–951; 9, р. 203–216]. Вместе с тем в некоторых работах отмечается неоднозначность содержания речи, коррелирующая с весьма своеобразным отношением Аристида к государственной службе и римским властям [10, р. 297; 11, р. 175–202; 12, р. 281–

298]. Судя по материалам «Священных речей» и жизнеописания Аристида в изложении Флавия Филострата, ритор избегал любых государственных должностей и обязанностей, подчеркивая свою обособленность по отношению к политической и социальной системе (Or. 47. 23; Or. 47. 38; Or. 51. 45; см. также Philostr. VS. II. 9. 2). Будучи призванным воспеть Рим, он «умалчивает» об истории и культуре «вечного города», не упоминает ни одного римского имени, но при этом уделяет основное внимание вопросам взаимодействия римской власти с провинциями⁴. Вот почему некоторые исследователи пишут о сдержанном, если не отчужденном, отношении Элия Аристида к римской державе [14; 10, р. 297; 15, р. 285–290; 11; 12], которое могло проистекать от общего настроения авторов Второй софистики относительно Рима. Несмотря на реальное взаимодействие с Римом и осознание ряда преимуществ, которые оно давало, греки могли быть не вполне счастливы тем, что оказались в подчинении у людей, которые, как им иной раз казалось, уступают эллинам в культурном отношении [16, р. 4; 17; 18, р. 108; 19, р. 510; 20, р. 163–257]⁵. Таким образом, концептуальной основой данного подхода

к анализу «Похвалы Риму» является представление о том, что представителям Второй софистики было свойственно противопоставление римской власти и греческой культуры, стремление преуменьшить значимость первой и возвысить достижения второй⁶.

В современных исследованиях прослеживаются попытки «примирить» два противоположных подхода к трактовке речи, обозначенные К. Хорст как «римско-империалистический» и «греко-эмансипированный» [22, с. 98]. Предполагается, что «Похвала Риму» направлена именно на преодоление разделительных линий между Грецией и Римом и постулирование общего для всех жизненного уклада, важным фактором формирования которого становится сочетание греческого культурного наследия и достижений римлян в сфере управления, права, реализации инфраструктурных проектов и градостроительной политики [22, с. 99–101; 23, р. 111–112]. Такая трактовка неизбежно вызывает вопрос о том, в какой степени общий для всей империи «образ жизни» соответствовал современной Элию Аристиду действительности. К. Хорст полагает, что в данном случае вряд ли можно говорить о полном тождестве, и поэтому считает целесообразным рассматривать «Похвалу Риму» через призму разработанной медиевистами концепции «imagined community» [24, с. 150–176], предполагающей противопоставление исторических реалий создаваемому ритором идеальному образу государства [22, с. 99–100]. Данный подход представляется весьма продуктивным. Вместе с тем дискуссия о политическом смысле речи вряд ли можно считать завершённой.

Существование различных вариантов интерпретации «Похвалы Риму» связано во многом с ее риторической сложностью. Посвященный «вечному городу» панегирик был написан на греческом языке и, очевидно, предназначался для широкой аудитории, но прежде всего для тех, кто понимали представленные в изобилии в данном тексте литературные топосы, аллюзии на сюжеты из произведений Геродота, Платона, Исократы, Полибия, Дионисия Галикарнасского, Плутарха и прочих авторов [25, р. 907–952]. Не исключено, что Аристид мог пользоваться техникой образного иносказательного повествования, так называемой «образной», или фигуративной, речью (*ἑσχηματισμένον ἐν λόγῳ*, *elocutio figurata*) [26, р. 174–208; 27, р. 223–254]. О ней нам известно из целого ряда античных источников, прежде всего из трактатов по риторике (Demetr. *De Elocut.* 287–295; Quint. *Inst. Or.* IX. 2. 72–75; Hermog. *Inv.* 4. 13; Meth. 22; Apsines *Περὶ ἑσχηματισμένων προβλημάτων*; Ps.-Dion. *al.*

Rhet. 8–9). Аристид обнаруживает свое знакомство с этими приемами в целом ряде случаев, подробно рассмотренных Л. Перно (Or. IV. 33; XXXIII. 25; XXVIII. 2) [12, р. 289–297]. К данному перечню можно добавить еще один пассаж, содержащийся непосредственно в «Похвале Риму»: «Скажут, что я поступаю вопреки эолийским поэтам: когда они хотели принизить своих современников, то сравнивали их с чем-нибудь великим и известным в древности, полагая, что так всего виднее их недостатки»⁷ (глава 14). Аристиду, следовательно, было хорошо известно, что критическое отношение можно выразить не напрямую, но косвенно, посредством сравнения, причем наиболее подходящим материалом оказываются примеры из прошлого. Ниже мы рассмотрим ряд содержащихся в речи исторических аналогий и постараемся определить их концептуальное значение, равно как и их значимость для решения вопроса о политическом смысле речи.

Прежде всего обратим внимание на то, что композиционной основой речи является сопоставление Римской империи с существовавшими некогда великими державами: Персидское царство (главы 15–23), государство македонян (главы 24–27), Афины и Спарта (главы 43–49). При этом Аристид отмечает, что о неких меньших и более давних государствах, судя по всему Ассирии и Мидии, не стоит и упоминать (глава 15). Таким образом, ритор обнаруживает свое знакомство с концепцией четырех предшествовавших Риму великих держав, призванной подчеркнуть исключительное положение Римской империи в мировой истории (Polyb. I.2.2–6; Dion. Hal. *Ant. Rom.* 1.2–3; Vell. I.6.6; Just. *Epit.* I.3.6; XXXIII.2.6; XLI.1.4 Tac. *Hist.* 5.8–9; App. *Praef.* 6–11; App. *Pun.* 132) [28, с. 282–284]. Наиболее ранние сопоставления подобного рода отмечены в сочинениях Полибия и Дионисия Галикарнасского. Первый повествует прежде всего о персах, которые пытались добиться мирового господства, но всякий раз, когда они «дерзали переступить пределы Азии, они подвергали опасности не только свое владычество, но и самое существование»⁸. Затем лакедемоняне смогли достичь главенства над эллинами, но удерживали его не более двадцати лет. Более внушительных успехов добились македоняне, которые контролировали часть Европы, приобрели власть над Азией, но вместе с тем не могли распространить свою власть на значительную часть ойкумены. «Между тем, – продолжает Полибий, – римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо части его и подняли свое могущество на такую высоту, какая немислима была для предков и не бу-

дет превзойдена потомками» (Polyb. I.2.2–6). В приведенном Полибием перечне великих держав отсутствуют Афины. В одном из пассажей VI книги автор весьма критически отзывается об их государственном устройстве, полагая, что оно не достойно того, чтобы о нем распространяться (VI.44.3–5).

У Дионисия Галикарнасского (Dion. Hal. Ant.Rom.1.2–3) первыми в списке упоминаются ассирийцы и мидяне, которые контролировали лишь часть Азии. Им на смену приходят персы, покорившие чуть ли не всю Азию и некоторую незначительную часть европейских народов; македоняне превзошли своей мощью персов, но их господство оказалось скоротечным. Затем упоминаются эллинские государства, Афины и Спарта, которые не знали ни величия власти, ни столь продолжительной славы, которой обладали персы и македоняне. Рим же правит над всей землей, «установив границами своей державы место восхода и захода солнца». И господство его оказалось не кратковременным, но таким продолжительным, какого не было ни у одного города или царства.

Итак, в отношении перечня великих держав и порядка их упоминания в тексте Аристид ближе к Дионисию Галикарнасскому, нежели к Полибию. Совпадает также характеристика империи как страны, равной по своей протяженности солнечному пути от восхода до заката (Cp. Dion. Hal. Ant.Rom.1.2–3 и Ael. Ar. Or. XXVI.10 Keil). Тем не менее Ф. Фонтанелла, выявив ряд параллелей между «Похвалой Риму» и VI книгой Полибия, предлагает рассматривать данную речь как выработанный с опорой на труды Панетия Родосского и Посидония ответ Аристида на «сомнения Полибия» относительно прочности имперской модели управления, в частности представление о том, что монархическая власть неизбежно вырождается в тиранию (Polyb. VI.7.8) [9, p. 203–216]. Сходство действительно есть. Подобно Полибию, демонстрирующему преимущества римского государственного строя в сравнении с государственными учреждениями прочих народов, в том числе лакедемонян и афинян (VI. 43–58), Аристид увязывает успехи римлян с преимуществами их политической системы, которая преподносится аудитории как форма государственного правления смешанного типа, сочетающая в себе монархический, аристократический и демократический элементы (глава 90). Аналогичным образом римское государство характеризует и Полибий (VI.11). Вместе с тем версия Элия Аристида имеет определенную специфику, которая позволяет увидеть в содержании главы 90 «Похвалы Риму» нечто большее, нежели риторический

анахронизм. Необходимо учесть, что концепция системы государственного управления смешанного типа как более устойчивой по сравнению с прочими формами правления (например, тирания, демократия, олигархия), восходящая к Платону (Leg. 712d) и Аристотелю (Pol. 1273b), была переосмыслена перипатетиками и стоиками, стремящимися выработать принципы оптимальных взаимоотношений между правителем, аристократией и народными массами эллинистического полиса [29, p. 15]. В этом же ключе выдержана и характеристика, данная Аристом государственному устройству римлян. В отличие от Полибия, ставившего во главу угла принцип взаимного контроля и равновесия между органами власти (консулы, сенат, народное собрание), Аристид позиционирует Рим как иерархическую систему, во главе которой стоит император, руководство доверено тем, кто обнаруживают к этому способность, в то время как остальные пользуются благами эффективного управления (глава 90)⁹. Аналогичная модель идеальной империи как государства, которое управляется императором совместно с сенатской аристократией, а все остальные охотно исполняют «то, что выпало на их долю», представлена и в «Римской истории» Диона Кассия (ЛП.14.3–5) [29, p. 59–60; 30, p. 557–558; 31, p. 469–470; 32, p. 44]. Примечательно, что Аристид и Дион Кассий называют идеальное государство, соответственно, «вселенской демократией (κοινὴ τῆς γῆς δημοκρατία)» (XXI.60) и «подлинной демократией» (ЛП.14.4) [33, p. 12–16; 34, с. 478–479; 35; 36]. Можно, таким образом, предположить, что в основе суждений Аристида о римской державе лежит востребованный во времена Антонинов, а впоследствии и Северов, идеологический конструкт, определяющий принципы построения устойчивого, стабильного государства. Тем не менее идеализированный автором римский общественно-политический строй преподносится аудитории без соотнесения с определенным историческим контекстом, то есть без учета эволюции римской государственности со времен формирования империи и до «золотого века» Антонинов.

Римские реалии показаны Аристом как современность, прошлое ассоциировано с существовавшими некогда великими державами и хронологически ограничивается позднеклассической эпохой, точнее смертью Александра Македонского и распадом его державы (глава 27). «Молчание» Аристида об эллинистическом периоде и римском завоевании Восточного Средиземноморья Ф. Фонтанелла объясняет характерной для Второй софистики ориентацией на классические сюжеты, а также нежеланием ав-

тора затрагивать чувствительные для него самого и аудитории темы [9, р. 216]. Сложно с этим не согласиться, но, возможно, есть еще одно объяснение. Обратим внимание на то, какие именно исторические процессы и явления рассматривает Аристид. Раскрывая образ правления персидских царей, автор сообщает о том, как они «расточали добро без стыда и совести», соревновались друг с другом в убийствах, причем следующий всегда старался превзойти предыдущего (глава 19). Последствиями таких действий были «ненависть и заговоры угнетенных, измены и гражданские войны, бесконечная вражда и непрерывное соперничество». На казнь осуждали «не того, кто больше нагрешил, а того, кто больше накопил» (главы 20–21). Правители боялись своих подданных зачастую больше, чем врагов, и поэтому пускались в войну, чтобы уладить споры (глава 22). Власть и деспотизм больше не различались, а слова «царь» и «господин» значили одно и то же (глава 23). Все эти характеристики представляют собой набор известных топосов, некоторые из которых могли быть действительно применимы и к персидским правителям, но вместе с тем именно они легли в основу образов правления римских «императоров-тиранов» из династий Юлиев-Клавдиев и Флавиев. Эти образы известны нам по написанным при первых Антонинах произведениям римских авторов, в частности Светония (Calig. 27–42; Nero 33–37; Dom. 10–12) и Плиния Младшего (Pan. 11, 18, 20, 35, 45, 48–49).

Весьма показательна также критика Аристида в адрес афинян. К числу изъянов их политики автор относит обложение подвластного населения чрезмерными налогами, взяточничество, необходимость для союзников отчитываться о своих делах перед своими предводителями, отправку афинянами в подконтрольные им земли то своих поселенцев, то сборщиков новых налогов; наложенные на прочих греков обязательства принимать участие в ненужных им военных походах, часто в священные и праздничные дни. Лакедемонянин Аристид осуждает за то, что «создали ... господство многих своих ставленников, которые угнетали своих подданных, сидя каждый в своей собственной области, прочно укореняясь» (45–50). Итак, акцентируя внимание на перечисленных аспектах правления афинян и спартанцев, мог ли автор панегирика подразумевать, что римляне вели себя иначе по отношению к союзникам и подвластным народам? Трудно представить, что ни Аристид, ни его слушатели не были осведомлены о том, что демонстрируемые в «Похвале Риму» темные стороны внутренней и внешней политики великих держав прошлого имеют от-

ношение и к римской истории. Вероятно, подобное описание исторического опыта персов и греков можно трактовать как доводы в пользу определенной политики, изложенные, что называется, *a contrario*, а «Похвалу Риму» в целом – как образец увещательного красноречия, выдержанного в духе идеологических установок эпохи Антонинов. Подобно Плинию Младшему, Аристид констатирует достижение всеобщего согласия, которое, в свою очередь, противопоставляется всевозможным политическим распрям прошлого. Прошлое Римской империи, в известной степени напоминающее исторический опыт прочих великих держав, уже не столь важно. Важен в первую очередь результат, которого не удавалось добиться никому, кроме римлян. «И вот все, что ускользало, так сказать, от всех прежних поколений (τοῦτο μὲντοι τὸ τοῦς πρόσθεν ἄπαντας ὡς εἰπεῖν ἀνθρώπους διαφυγόν), ныне оставлено вам одним, чтобы вы его открыли и усовершенствовали» (глава 58). Римляне, как следует из текста, учли опыт «всех людей» (τοῦς ἄπαντας ἀνθρώπους), в том числе, вероятно, и свой собственный.

Создаваемый Аристом образ современности все же не лишен неоднозначности, в том числе в связи с привлекаемыми автором историческими аналогиями. По мнению автора, более всего для сравнения с Римом подходит Персидское царство, которое когда-то «было у эллинов в большой славе и стяжало своему царю право зваться Великим» (ἡ πάνυ ποτὲ ἐν τοῖς Ἑλλήσιν ἐβεβόητο, καὶ μέγαν παρέσχετο ἐπόνυμον καλεῖσθαι τὸν ἔχοντα αὐτὴν βασιλεία) (глава 15). Аристид в данном случае верно указывает титул персидского царя. Тем не менее упоминание о большой «славе», «известности» Персидского царства допускает определенный простор для толкований. Действительно, эта страна славилась своими обширными территориями, многочисленностью и разнообразием населения, но вместе с тем Персидское царство было известно и как заклятый враг всего греческого мира. Греки, а затем и римляне рассматривали это государство как образец восточного деспотизма. С Персидским царством был связан целый ряд стереотипных представлений: высокомерие и заносчивость персидских царей, изнеженность, тяга к роскоши [37; 38; 39; 40; 41]¹⁰. Тем не менее именно Персидское царство представлено как первейший объект для сравнения с Римом. Первая историческая аналогия появляется в 5-й главе, и это не что иное, как упоминание о войске Ксеркса. Римская армия сравнивается с персидской еще несколько раз (главы 85, 86), а территория Империи измеряется парсангами (глава 82). Вместе с тем Аристид

отмечает и различия. Персидские цари в представлении автора – это «цари-бродяги, которые отличались от скифов кочевников только тем, что объезжали свой край не в телегах, а на колесницах» для того, чтобы держать подданных в повиновении (глава 18). Македоняне, кстати, также не знали, как управлять большой державой. Александр не смог «ни укрепить державу, ни завершить труды» (глава 24)¹¹. «Когда же он умер, – продолжает Элий Аристид, – то государство македонян тотчас распалось на множество частей, и своими действиями македоняне показали, что держава эта была им не по силам». Итак, и персы, и македоняне не умели управлять огромной территорией. Совершенно очевидно, что римляне превосходили в этом отношении своих предшественников. И действительно, Римская империя представлена как хорошо отлаженная и стабильно работающая система (глава 29–33). В государстве царит атмосфера всеобщей покорности: «нет разницы между материком и островом, но все, словно единая страна и единый народ, безмолвно вам повинуются» (ἤπειρος δὲ καὶ νῆσος οὐδὲν ἐπιδιακέρταται, ἀλλ' ὅσπερ μία χώρα συνεχῆς καὶ ἐν φύλῳ ἅπαντα ὑπακούει σιωπῇ) (глава 30). Почему? Ответ очевиден: «таков в них страх (φόβος) перед великим правителем (τοῦ μεγάλου ἄρχοντος), который стоит над всеми (дословно «всем распоряжающимся – τὰ πάντα πρυτανεύοντος»)» (глава 31). Наместники «боятся и почитают его больше, чем раб господина, который разом и следит за ними, и приказывает» (μᾶλλον δὲ δεδίασι καὶ αἰδοῦνται ἢ τὸν δεσπότην ἄν τις τὸν αὐτοῦ παρόντα καὶ ἐφεστηκότα καὶ κελεύοντα) (глава 32). Так в чем же в данном случае состоит отличие римлян от персов? В том, что они держат население в большем страхе?

Неоднозначность проявляется и в репрезентации в речи императорской власти. Правитель показан вершителем судеб, который, будучи наделенным неограниченными полномочиями, может возвысить или погубить любого (глава 39). Вместе с тем в одном из пассажей он представлен как «эфор и притан», который действует в интересах народа и прежде всего элиты (глава 90). Есть основания полагать, что Аристид иронизирует относительно новой свободы и «безграничного и прекрасного равенства», обретенных греками под властью римлян (главы 36–39), равно как и относительно римского гражданства как нового предмета гордости для греков (глава 63) [36, с. 55–60]. Вместе с тем следует признать, что вопрос о статусе римского гражданина, так же как упоминаемая автором практика направления наместникам императорских рескриптов (глава 32) или же возможность

подачи апелляции в вышестоящую инстанцию на решения местных властей (главы 37–38) действительно имели практическую значимость для греческой городской провинциальной элиты, в том числе для самого Аристида (Or. L. 75, 96) [42, p. 201]. Кроме того, автор недвусмысленно указывает на выгоды, полученные под властью римлян Ионией, Афинами, Александрией и эллинами в целом, о которых римляне заботятся как о своих наставниках (94–99). Современный Аристиду Рим предстает в данных пассажах как сила созидательная. Примечательно, что вопросы коммуникации между римской властью и провинциями затрагиваются и в других речах Элия Аристида, в том числе и в практической плоскости, что коррелирует с материалом «Похвалы Риму»¹².

В заключение еще раз отметим риторическую сложность и смысловую неоднозначность текста, которая, как представляется, обусловлена не столько стремлением автора продемонстрировать дистанцированность от Рима, сколько попыткой дать более-менее взвешенную, комплексную оценку римским имперским реалиям и в конечном итоге их принять, правда с некоторыми важными для греков оговорками. Империя, даже при осознании и «подсвечивании» некоторых связанных с ней издержек, воспринята, осмыслена и представлена аудитории как часть общего для греков и римлян бытия и исторического опыта, как общее для всех пространство, где и Европа, и Азия оказываются включенными в греко-римский мир, пусть даже в трактовке автора времен Второй софистики он предстает, скорее, греческим, нежели римским.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00374, выполняемый на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Примечания

1. Вопросы биографии Элия Аристида рассматриваются в статье К. Бэра [1].
2. Подробнее о так называемых первой и второй «Смирнских речах» (Or. XVII, XXI Keil), а также о практике риторических выступлений по случаю прибытия в греческие города римских наместников или императоров см. работу С.И. Межеричкой [2, с. 334–336].
3. К. Джонс датирует публикацию речи 143 или 144 годом [6, p. 64–67].
4. В этой связи представляется уместным отметить также жанровое своеобразие «смирнских» речей, составление которых, вероятнее всего, было связано с прибытием в город проконсулов провинции Азия и, следовательно, имело своего рода политическую подоплеку. Эти, казалось бы, «приветственные» по своему предназначению речи почти не

содержат прославлений достойных деяний высоких гостей и по характеру содержания весьма близки к традиционным энкомиям в честь греческих городов [13, p. 230].

5. Вопрос о софистической репрезентации греческих интеллектуалов в качестве независимых критиков римских императоров подробно рассматривается в монографии Я. Флинтерманна [21, p. 361–364].

6. Наиболее обстоятельно данная концепция обосновывается в работе С. Свэйна [10].

7. Здесь и далее пер. С.И. Межерицкой.

8. Здесь и далее перевод Ф.Г. Мищенко.

9. Данная потестарная модель близка к Цицероновскому представлению об идеальном государстве как смешении разных форм правления, прочность которого обусловлена прежде всего главенством оптиматов (De rep. 1.69, 2.57) [9, p. 212].

10. Сам Элий Аристид также демонизирует образ Ксеркса в «Панафинейской речи» (главы 116–124).

11. Согласно одной из трактовок, Аристид предпочел бы обратный сценарий [5, p. 109–110].

12. В качестве примера можно привести обращение Элия Аристида к Марку Аврелию и его сыну Коммоду после разрушения Смирны землетрясением в конце 170-х гг. Автор выражает надежду на то, что император не оставит пострадавший город в беде (Or. XIX Keil). Материалы «Священных речей» также показывают, сколь важным представлялось Аристиду получение почестей и благодеяний со стороны императора (Or. XLVII.33; Or. XLIX.21; Or. L.106 Keil). Он также высоко оценивает саму возможность выступить перед Марком Аврелием во время прибытия императора в Смирну в 176 г. (Or. XLII.13–14 Keil) [21, p. 373].

Список литературы

- Behr C.A. Studies on the Biography of Aelius Aristides // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1994. II. 34.2. P. 1140–1233.
- Межерицкая С.И. Две «Смирнские речи» Элия Аристида // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2018. Вып. 18.2. С. 334–348.
- Klein R. Die Romrede des Aelius Aristides. Einführung, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. 176 p.
- Behr C.A. Studies on the Biography of Aelius Aristides // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1994. II.34.2. P. 1140–1233.
- Raúl Buono-Core V. El significado histórico del Elogio a Roma de Elio Aristides: una discusión abierta // *Semanas de Estudios Romanos*. 2000. Vol. X. P. 99–112.
- Jones C.P. Aelius Aristides and the first years of Antoninus Pius // *Desideri P. and Fontanella F. (cur.) Elio Aristide e la Legittimazione greca dell'Impero di Roma*. Bologna: Il Mulino, 2013. P. 39–67.
- Pavan M. Sul significato storico dell'«Encomio di Roma» di Elio Aristide // *La Parola del Passato*. 1962. Vol. 82. P. 81–95.
- Bleicken J. Der Preis des Aelius Aristides auf das Römische Weltreich // *Gesammelte Schriften*. Stuttgart: Steiner, 1998. S. 901–951.
- Fontanella F. The Encomium on Rome as a Response to Polybius' Doubts About the Roman Empire // *Harris W.V., Holmes B. (eds.) Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods*. Leiden: Brill, 2008. P. 203–216.
- Swain S. Hellenism and Empire. Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250. Oxford: Oxford University Press, 1996. 499 p.
- Pernot L. Aelius Aristides and Rome // *Harris W.V., Holmes B. (eds.) Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods*. Leiden: Brill, 2008. P. 175–202.
- Pernot L. Elogio retorico e potere politico all'epoca della Seconda Sofistica // *Urso G. (cur.) Dicere Laudes. Elogio, comunicazione, creazione del consenso, Cividale del Friuli, 23–25 settembre 2010*. Pisa: Edizioni ETS, 2011. P. 281–298.
- Mezheritskaya S.I. Rhetoric in the service of politics: Panegyric and its role in the era of the Second Sophistic // *Steps*. 2017. 3(4). P. 224–233.
- Vannier M.F. Vannier M.F. Aelius Aristides et la domination romaine d'après le discours «À Rome» // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1976. Vol. 2. P. 497–506.
- Klein R. Zum Kultur- und Geschichtsverständnis in der Romrede des Aelius Aristides // *Prinzipat und Kultur im 1 und 2 Jahrhundert*. Bonn: R. Habelt, 1995. S. 283–292.
- Bowie E. Greeks and their past in the Second Sophistic // *Past and Present*. 1970. Vol. 46. P. 3–41.
- Reardon B. *Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C.* Paris: Les Belles Lettres, 1971. 461 p.
- D'Elia S. Una monarchia illuminata. La cultura nell'età degli Antonini. Naples: La Città del Sole, 1995. 175 p.
- Veyne P. L'identité grecque devant Rome et l'Empereur // *Revue des études grecques*. 1999. Vol. 112. P. 510–567.
- Veyne P. L'Empire gréco-romain. Paris: SEUIL, 2005. 876 p.
- Flinterman J.J. Sophists and emperors: A reconaissance of sophistic attitudes // *Borg B. (ed.) Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. P. 359–376.
- Хорст К. Элий Аристид и похвала городам // *Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст: Доклады Междунар. науч. конф. Ч. 1*. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 98–101.
- Raúl Buono-Core V. El significado histórico del Elogio a Roma de Elio Aristides: una discusión abierta // *Semanas de Estudios Romanos*. 2000. Vol. X. P. 99–112.
- Sarasin P. *Geschichtswissenschaft und Diskursanalyse*. Frankfurt: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2003. 257 p.
- Oliver J.H. The Ruling Power. A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides // *Transactions and proceedings of the American philological association*. 1953. Vol. 43. 871–1003.
- Ahl F. The art of Safe Criticism in Greece and Rome // *The American Journal of Philology*. 1984. Vol. 105. № 2. 174–208.
- Chiron P. Le logos eskhématisménos ou discours figuré // *Dangel J., Declercq G., Murat M. (eds.) La parole polémique*. Paris: Champion, 2003. P. 223–254.

28. Махлаюк А.В. Рим в концепции мировых держав древности: пространство и время империи // ПΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре: Сб. статей, посвященный 50-летию И.Е. Сурикова / Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Сеницына. М.; СПб.: Издательство РХГА, 2018. С. 276–285.

29. Carsana C. La teoria della «constitutio mista» nell'eta imperiale romana. Como: Edizioni New Press, 1990. 124 p.

30. Carsana C. La teoria delle forme di governo: il punto di vista di Cassio Dione sui poteri di Cesare // Fromentin V., Bertrand E., Coltelloni-Trannoy M., Molin M., Urso G. (eds.) Cassius Dion: nouvelles lectures, 2 vols. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 545–558.

31. Molin M. Cassius Dion et la société de son temps // Fromentin V., Bertrand E., Coltelloni-Trannoy M., Molin M., Urso G. (eds.) Cassius Dion: nouvelles lectures, 2 vols. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 469–482.

32. Bono M. Teoria politica e scrittura storiografica nei 'libri imperiali' della Storia Romana di Cassio Dione // Burden-Stevens C., Madsen J.M., Pistellato A. (eds.) Cassius Dio and the Principate. Venice: Edizioni Ca'Foscari, 2020. P. 39–66.

33. Starr C.G. Starr C.G. The Perfect Democracy of the Roman Empire // American Historical Review. 1952. Vol. 58. P. 1–16.

34. Пантелеев А.Д. Демократия в неортодоксальном христианстве: опыт гностиков // Фролов Э.Д. (ред.) Проблемы античной демократии. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 477–488.

35. Roberto U. Aspetti della riflessione sul governo misto nel pensiero politico romano da Cicerone all'eta di Giustiniano // Montesquieu.it: biblioteca elettronica su Montesquieu e dintorni. Bologna: l'Università di Bologna, 2010. P. 43–78.

36. Марков К.В. Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал? // ВДИ. 2013. № 3. С. 52–74.

37. Hardie Ph. Images of the Persian Wars in Rome // Bridges E., Hall E., Rhodes P.J. (eds) Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to Third Millennium. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 127–144.

38. Gruen E.S. Rethinking the Other in Antiquity (Martin Classical Lectures, New Series). Princeton: Princeton University Press, 2011. 415 p.

39. Clough E.E. In Search of Xerxes: Images of the Persian King: PhD diss., Durham: Durham University, 2004. 310 p.

40. Bridges E. Imagining Xerxes: Ancient Perspectives on a Persian King. London: Bloomsbury Academic, 2015. 233 p.

41. Makhlayuk A.V. Memory and Images of Achaemenid Persia in the Roman Empire // Silverman J.M., Waerzeggers C. (eds.) Political memory in and after the Persian Empire. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 299–324.

42. Buraselis K. Aelius Aristides als Panegyriker und Mahner // Schuller W. (ed.) Politische Theorie und Praxis im Altertum. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. P. 184–203.

HISTORICAL EXAMPLES AND ANALOGIES IN AELIUS ARISTIDES' REPRESENTATION OF THE ROMAN EMPIRE (OR. XXVI KEIL)

K.V. Markov

The article examines passages from the «Praise of Rome» by Aelius Aristides, in which the Roman Empire is compared with the great powers of the past that existed among the Persians, Athenians, Spartans, Macedonians. It is established that the conceptual nature of such analogies consisted on the one hand in the representation of the Roman state as a kind of «end of history», and on the other hand in the expression of a balanced, and sometimes even critical attitude to some aspects of imperial realities. At the same time, the Empire, even with the recognition and highlighting of certain expenses, is perceived and presented to the audience as part of a common existence and historical experience for the Greeks and Romans, as a common space for all, where both Europe and Asia eventually find themselves included in a politically and culturally unified Greco-Roman world.

Keywords: Ancient Rome, the Roman Empire, Aelius Aristides, Roman political thought, the Antonine dynasty.

References

1. Behr C.A. Studies on the Biography of Aelius Aristides // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1994. II. 34.2. P. 1140–1233.

2. Mezheritskaya S.I. Two «Smyrna speeches» by Aelius Aristides // Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world. 2018. Issue 18.2. P. 334–348.

3. Klein R. Die Romrede des Aelius Aristides. Einführung, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. 176 p.

4. Behr C.A. Studies on the Biography of Aelius Aristides // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1994. II.34.2. P. 1140–1233.

5. Raúl Bueno-Core V. El significado histórico del Elogio a Roma de Elio Arístides: una discusión abierta // Semanas de Estudios Romanos. 2000. Vol. X. P. 99–112.

6. Jones C.P. Aelius Aristides and the first years of Antoninus Pius // Desideri P. and Fontanella F. (cur.) Elio Aristide e la Legittimazione greca dell'Impero di Roma. Bologna: Il Mulino, 2013. P. 39–67.

7. Pavan M. Sul significato storico dell'«Encomio di Roma» di Elio Aristide // La Parola del Passato. 1962. Vol. 82. P. 81–95.

8. Bleicken J. Der Preis des Aelius Aristides auf das Römische Weltreich // Gesammelte Schriften. Stuttgart: Steiner, 1998. S. 901–951.

9. Fontanella F. The Encomium on Rome as a Response to Polybius' Doubts About the Roman Empire // Harris W.V., Holmes B. (eds.) Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods. Leiden: Brill, 2008. P. 203–216.

10. Swain S. Hellenism and Empire. Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250. Oxford: Oxford University Press, 1996. 499 p.

11. Pernot L. *Aelius Aristides and Rome* // Harris W.V., Holmes B. (eds.) *Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods*. Leiden: Brill, 2008. P. 175–202.
12. Pernot L. *Elogio retorico e potere politico all'epoca della Seconda Sofistica* // Urso G. (cur.) *Dicere Laudes. Elogio, comunicazione, creazione del consenso, Cividale del Friuli, 23–25 settembre 2010*. Pisa: Edizioni ETS, 2011. P. 281–298.
13. Mezheritskaya S.I. *Rhetoric in the service of politics: Panegyric and its role in the era of the Second Sophistic* // *Steps*. 2017. 3(4). P. 224–233.
14. Vannier M.F. *Vannier M.F. Alius Aristide et la domination romaine d'après le discours «À Rome»* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1976. Vol. 2. P. 497–506.
15. Klein R. *Zum Kultur- und Geschichtsverständnis in der Romrede des Aelius Aristides* // *Prinzipat und Kultur im 1 und 2 Jahrhundert*. Bonn: R. Habelt, 1995. S. 283–292.
16. Bowie E. *Greeks and their past in the Second Sophistic* // *Past and Present*. 1970. Vol. 46. P. 3–41.
17. Reardon B. *Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C.* Paris: Les Belles Lettres, 1971. 461 p.
18. D'Elia S. *Una monarchia illuminata. La cultura nell'età degli Antonini*. Naples: La Città del Sole, 1995. 175 p.
19. Veyne P. *L'identité grecque devant Rome et l'Empereur* // *Revue des études grecques*. 1999. Vol. 112. P. 510–567.
20. Veyne P. *L'Empire gréco-romain*. Paris: SEUIL, 2005. 876 p.
21. Flinterman J.J. *Sophists and emperors: A reconaissance of sophistic attitudes* // Borg B. (ed.) *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. P. 359–376.
22. Horst K. *Eliy Aristide and the praise of cities* // *The City in antiquity and the Middle Ages: A pan-European context: Reports of the International Scientific Conference*. P. 1. Yaroslavl: YarSU, 2010. P. 98–101.
23. Raúl Buono-Core V. *El significado histórico del Elogio a Roma de Elio Aris-tides: una discusión abierta* // *Semanas de Estudios Romanos*. 2000. Vol. X. P. 99–112.
24. Sarasin P. *Geschichtswissenschaft and Diskursanalyse*. Frankfurt: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2003. 257 p.
25. Oliver J.H. *The Ruling Power. A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides* // *Transactions and proceedings of the American philological association*. 1953. Vol. 43. 871–1003.
26. Ahl F. *The art of Safe Criticism in Greece and Rome* // *The American Journal of Philology*. 1984. Vol. 105. № 2. 174–208.
27. Chiron P. *Le logos eskhèmatisménos ou discours figuré* // Dangel J., Declercq G., Murat M. (eds.) *La parole polémique*. Paris: Champion, 2003. P. 223–254.
28. Makhlayuk A.V. *Rome in the concept of World Powers of antiquity: space and time of Empire* // *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ*. Studies on ancient history and culture: Collection of articles dedicated to the 50th anniversary of I.E. Surikov / Ed. by O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuka, A.A. Sinitsyna. M.; St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 276–285.
29. Carsana C. *La teoria della «costituzione mista» nell'età imperiale romana*. Como: Edizioni New Press, 1990. 124 p.
30. Carsana C. *La teoria delle forme di governo: il punto di vista di Cassio Dione sui poteri di Cesare* // Fromentin V., Bertrand E., Coltelloni-Trannoy M., Molin M., Urso G. (eds.) *Cassius Dion: nouvelles lectures*, 2 vols. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 545–558.
31. Molin M. *Cassius Dion et la société de son temps* // Fromentin V., Bertrand E., Coltelloni-Trannoy M., Molin M., Urso G. (eds.) *Cassius Dion: nouvelles lectures*, 2 vols. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 469–482.
32. Bono M. *Teoria politica e scrittura storiografica nei 'libri imperiali' della Storia Romana di Cassio Dione* // Burden-Strevens C., Madsen J.M., Pistellato A. (eds.) *Cassius Dio and the Principate*. Venice: Edizioni Ca'Foscari, 2020. P. 39–66.
33. Starr C.G. *The Perfect Democracy of the Roman Empire* // *American Historical Re-view*. 1952. Vol. 58. P. 1–16.
34. Panteleev A.D. *Democracy in Heterodox Christianity: the experience of the Gnostics* // Frolov E.D. (ed.) *Problems of Ancient Democracy*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2010. P. 477–488.
35. Roberto U. *Aspetti della riflessione sul governo misto nel pensiero politico romano da Cicerone all'età di Giustiniano* // *Montesquieu.it: biblioteca elettronica su Montesquieu e dintorni*. Bologna: l'Università di Bologna, 2010. P. 43–78.
36. Markov K.V. *Autocracy as «genuine democracy» in the works of Greek Authors of the Time of the Second Sophistry: irony, illusion, utopia or ideal?* // *VDI*. 2013. № 3. P. 52–74.
37. Hardie Ph. *Images of the Persian Wars in Rome* // Bridges E., Hall E., Rhodes P.J. (eds.) *Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to Third Millennium*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 127–144.
38. Gruen E.S. *Rethinking the Other in Antiquity* (Martin Classical Lectures, New Series). Princeton: Princeton University Press, 2011. 415 p.
39. Clough E.E. *In Search of Xerxes: Images of the Persian King*: PhD diss., Durham: Durham University, 2004. 310 p.
40. Bridges E. *Imagining Xerxes: Ancient Perspectives on a Persian King*. London: Bloomsbury Academic, 2015. 233 p.
41. Makhlayuk A.V. *Memory and Images of Achaemenid Persia in the Roman Empire* // Silverman J.M., Waerzeggers C. (eds.) *Political memory in and after the Persian Empire*. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 299–324.
42. Buraselis K. *Aelius Aristides als Panegyriker und Mahner* // Schuller W. (ed.) *Politische Theorie und Praxis im Altertum*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. P. 184–203.